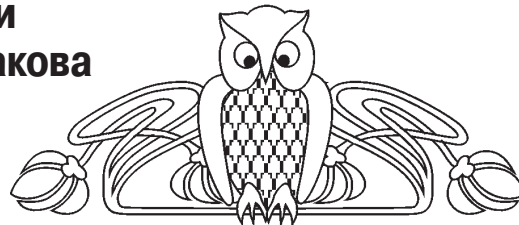

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 80–84
Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 80–84

Научная статья
УДК 821.161.1.09-2+929Булгаков
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-80-84>

Персонажи, стоящие вне оппозиции «свой – чужой» в пьесах М. А. Булгакова 1920-х гг.: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег»

В. Лян

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Лян Вэйци, аспирант кафедры истории русской литературы, liangweiqi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>

Аннотация. Статья посвящена исследованию функций оппозиции «свой – чужой» в системе персонажей пьес М. А. Булгакова «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег». Выделяется группа действующих лиц, с чьих точек зрения она не релевантна, не значима. Особое внимание уделяется их общим чертам. Делается ввод о том, что названная оппозиция маркирована в проблематике драматургии Булгакова 1920-х гг.

Ключевые слова: архетип «свой – чужой», М. Булгаков, «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег»

Для цитирования: Лян В. Персонажи, стоящие вне оппозиции «свой – чужой» в пьесах М. А. Булгакова 1920-х гг.: «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 80–84. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-80-84>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-80-84>

Characters outside the opposition ‘one’s own – other’s’ in Bulgakov’s plays of the 1920s: *Days of the Turbins, Zoyka’s Apartment and Flight*

Weiqi Liang, liangweiqi@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5481-979X>

St. Petersburg University, 7–9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia

Abstract. This article studies the functions of the opposition ‘one’s own – other’s’ in the system of characters in M. A. Bulgakov’s plays *Days of the Turbins, Zoyka’s Apartment and Flight*. A group of characters is singled out, from whose perspective this opposition is not relevant, not significant. Particular attention is paid to their common features. The conclusion is made that the opposition in question is marked in the problems of Bulgakov’s plays of the 1920s.

Keywords: archetype ‘one’s own – other’s’, M. Bulgakov, *The Days of the Turbins, Zoyka’s Apartment, Flight*

For citation: Liang W. Characters outside the opposition ‘one’s own – other’s’ in Bulgakov’s plays of the 1920s: *Days of the Turbins, Zoyka’s Apartment and Flight*. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 80–84 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-1-80-84>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Пьесы М. А. Булгакова 1920-х гг. «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег» часто считаются произведениями, которые образуют «определенное идейно-художественное единство, скрепленное целым рядом сквозных тем и мотивов, несут ощущение мирового и душевного раскола, “двоемирия”»¹. На наш взгляд, они скреплены и общей идеей построения конфликта на оппозиции «свой – чужой», которая, как отмечает Е. Б. Скороспелова, лежит в основе модели художественного мира Булгакова². Эта

оппозиция, безусловно, проявляется в системе действующих лиц рассмотренных произведений, так как, участвуя в конфликте пьесы, персонаж, естественно, вступает в борьбу и объединяется с группой других героев или противопоставляет себя им. Тем более булгаковские персонажи, утратившие привычный им спокойный уклад жизни в хаосе истории или страдающие из-за недоброжелательного отношения к ним со стороны властей, постоянно находясь в состоянии психологического кризиса и душевного одиночества,

все время пытаются организовать вокруг себя сообщество людей, которые близки им морально и духовно, чтобы найти поддержку и вместе противостоять враждебному внешнему миру. Ввиду этого оппозиция «свой – чужой» часто составляет принцип устройства отношений героев с остальным миром.

О противопоставлении групп булгаковских персонажей в названных пьесах неизбежно писали исследователи. Политическая самоидентификация героев в условиях гражданской войны («Дни Турбиных» и «Бег»), нового советского быта («Зойкина квартира») довольно очевидна и многократно описана (Ю. Бабичева³, О. Казмина⁴, К. Барина⁵). Рассматривалась и проблема психологического взаимного отчуждения в процессе семейного разлада («Дни Турбиных» и «Бег»)⁶. Оппозицию «свой – чужой» в форме не исключительно политической, а универсальной антитезы «друг – враг» заметила в пьесе «Бег» Э. Хабибьярова⁷. Ряд исследователей (В. Гудкова⁸, Е. Иваньшина⁹) видят и архетипические истоки в трактовке Булгаковым межнациональных отношений. В мифопоэтических исследованиях некоторые действующие лица булгаковских пьес именуются как члены оппозиции «свой – чужой», поскольку персонажи звероподобного или овеществленного характера часто воспринимаются носителями традиционного сознания как чужие, в соответствии с антитезой «людь – нелюдь»¹⁰.

Перечисленные наблюдения литературоведов касаются преимущественно обнаружения признаков чужого в ком-то из героев. Авторы работ о персонажах учитывают архетипическую модель либо при анализе идеологического конфликта, либо объясняя отдельные символические детали. Целостная характеристика влияния оппозиции «свой – чужой» на систему персонажей: их типологии, дифференциации, взаимоотношения – еще не дана.

Исследователи также не отмечали одного, казалось бы, очевидного обстоятельства – что эта оппозиция не для всех персонажей оказывается существенной в равной степени. Ее важность становится понятной читателям и зрителям во многом как раз потому, что герои пьес дифференцируются в том числе и по их отношению к противопоставлению «свой – чужой», которое как критерий классификации оказывается в маркированной позиции. Между тем выделяется группа персонажей, для которых рассматриваемая оппозиция не слишком значительна, в их речах и поступках не видно серьезного к ней отношения. К этой категории принадлежат: Тальберг («Дни Турбиных»), управдом Аллилуя и Аметистов («Зойкина квартира»), Корзухин, начальник контрразведки Тихий, архиепископ Африкан и Артур Артурович («Бег»). Эти действующие лица стоят вне столкновения между «своими» и «чужими», в какой бы сфере (этической, политической, социокультурной и т. д.) оно ни происходило.

Для перечисленных выше героев пьес характерен ряд общих признаков.

Первый признак – это психологическая закрытость. Несмотря на внешнюю вежливость, светскость, разговорчивость, эти персонажи мало раскрывают свои мысли и редко показывают внутренние состояния. Автор показывает их неглупыми или даже хитрыми, не доверяющими окружающим, нам трудно в полной мере судить, насколько они глубоко переживают то, что происходит на сцене. Рассматриваемые персонажи тщательно скрывают эту замкнутость, избегая конфликта и открытого противостояния кому-либо. Одновременно с заботой о своей репутации в редких искренних репликах, где они проговариваются, видно, что в душе они противопоставляют себе всех, выделяя себя при этом из общего ряда и ставя намного выше окружающих. Так, например, Тальберг в доверительном разговоре с женой, которую через несколько минут оставит на произвол судьбы, говорит: «Позволь тебя поблагодарить за то, что сравниваешь меня со всеми. Я не все»¹¹.

Вторая черта – это герои без прошлого. Не потому, что в текстах дается очень ограниченная информация о нем (предыстория действующих лиц булгаковских пьес всегда крайне лаконична), а потому, что они легко отрекаются от прошлого, не связаны с ним, не несут на себе его печати. Отсутствие прошлого позволяет им пользоваться разными выгодами в настоящее время и ловко приспосабливаться к любым новым состояниям. Такие люди полностью сосредоточены на настоящем для того, чтобы обеспечить себе благополучное будущее. Показателен эпизод, когда Голубков приезжает к Корзухину в его парижский дом и напоминает «ту ужасную ночь в Крыму», а тот лжет о том, что не помнит ни своей жены, ни своего пребывания в Крыму (286). Последнее он и сам подтверждает следующей репликой: «Действительно, я некоторое время проживал в Крыму» (286). Для героя воспоминания неприятны и неудобны, поэтому он стремится их вытеснить из своей памяти.

Единственный представитель рассматриваемой группы, который имеет довольно подробную историю жизни и охотно делится со всеми богатыми воспоминаниями, – Аметистов. Однако эти рассказы насыщены настолько исключительными друг друга фактами, что их никак нельзя признать достоверными. Аметистов придумывает особую версию прошлого, чтобы наладить отношения с каждым собеседником (172, 175, 176, 183, 235). Пестрое прошлое персонажа при всей его фантастичности является не до конца выдуманным, а в чем-то опирается на его реальный жизненный опыт, но трудно установить, в какой мере. Преобладание вымысла в воспоминаниях, как и их полное отсутствие у других героев рассматриваемой группы, дает Аметистову возможность избежать неприятных отголосков былого в настоящем, избавиться от любых прежних проблем.

Игнорируя категорию памяти, представители рассматриваемой группы персонажей независимы не только от временных, но и от пространственных привязанностей. Они легко приспосабливаются к любой этнической и географической среде, не имея национальной идентичности. Они чувствуют себя на своем месте везде, где можно найти себе выгоду. Тальберг, носитель русского имени, немецких отчества и фамилии, живущий в русской семье и служащий полковником генштаба украинского гетмана, накануне нападения Петлюры на Киев уезжает в Берлин, но, не сумев там удачно устроиться, в конце пьесы отправляется на Дон в Добровольческую армию, которая как наследница российской армии видит в Германии врага. Как видим, герой не проявляет верности или хотя бы привязанности ни к какой национальности, стране или государственной системе. Какой власти служить, для него безразлично, умея приспосабливаться, он всегда «прекрасно в курсе дела» (159).

Комический вариант фигуры космополита создается в образе «тараканьего царя». Артурка в ответ на реплику Чарноты «ваша нация вообще безучая!» (314) возмущенно просит прекратить антисемитизм, но затем, спохватившись, что проговорился, сообщает, что по гражданству он венгерец. Еврей, видимо, знающий на опыте, что безопаснее и выгоднее числиться «венгерцем», перебрался из России в Турцию, где устраивает «не виданную нигде в мире русскую придворную игру» (277) – тараканий бег для людей разных наций – англичан, итальянцев, турок, французов, русских беженцев и жуликов «интернационального типа». Говорит он на макароническом жаргоне, странной смеси языков – русского, французского, итальянского и английского. Туманность национальной принадлежности избавляет его от обязанности сочувствовать обнищавшим соотечественникам и позволяет успешно обогащаться за их счет, да и вообще на любой земле.

Корзухин, поселившись в Париже, стремится совершенно порвать с родиной и превратиться в местного жителя, и это дается ему легко: «... никаких связей с Россией не имею и не намерен иметь. Я принял французское подданство» (286). Переименовав своего слугу из Антона в Антуана, Корзухин еще поучает, что русский язык в Париже не пригоден (285). Без национальной идентичности Корзухину легко влиться в парижскую жизнь, окружая себя французскими знакомыми и собираясь жениться на русской эмигрантке, которая тоже приняла французское подданство. Посреди разговора с Голубковым он демонстративно кричит в окно: «Вив ла Франс (Да здравствует Франция!)» (460). В отличие от своего хозяина, лакей с удовольствием признает свое происхождение: «я русский. Я – Грищенко» (285).

Отсутствие пространственно-временных привязанностей ослабляет и родовые связи, делает рассматриваемых героев свободными от брач-

ных уз. Ценим комфорт семейного дома и женскую красоту, они либо холосты (во всяком случае, ничего не говорится об их браке), либо без раздумья и особенного сожаления порывают со своими женами, когда обстановка оказывается опасной, – Тальберг дважды покидает Елену в осажденном городе (между прочим, демонстрируя ей при этом свою ревность), Корзухин дважды отрывается от Серафимы, зная, что этим обрекает ее на смерть.

Следующий признак – неопределенность или непостоянство социального положения, профессиональных занятий или политической позиции. Мы уже говорили о том, как поочередно служит разным властям Тальберг. Интересно, что в конце второй редакции пьесы «Белая гвардия», он совершал еще одно политическое перевоплощение: «Я решил вернуться и работать в контакте с Советской властью. Нам нужно переменить вехи» (356). Такой поворот очень ограничен для героя, но исключен Булгаковым из окончательной версии «Дней Турбиных» по требованиям цензуры: присутствие Тальберга позорило бы любое советское учреждение в мнении публики. Тихий в военное время допрашивает арестованных только для того, чтобы иметь компрометирующие материалы, шантажируя которыми, можно получить большие деньги. Если правдиво его признание в том, что он выпускник Петербургского университета, то картина еще более усложняется: значит, Тихий прежде не был жандармским чиновником или военным. Всем подобным персонажам легко отказаться от своего профессионального долга или от общественных обязанностей во имя выгоды или самосохранения. Во время катастрофы эти герои часто бросают своих подчиненных или же тех, кто рассчитывают на их помощь. Например, архиепископ Африкан, забыв долг пастыря, ведет себя не так, как следовало бы священнослужителю: дважды он оставляет на произвол судьбы своих духовных детей, спасая жизнь и имущество.

Социальная изменчивость присуща и управдому Аллилуе, который находит общий язык и с Зоей, которую почтительно вспоминает в ее дореволюционном статусе, и с представителями советской власти, т. е. способен ужиться при любом начальстве. Уже говорилось о невозможности установить не только профессиональную, но и сословную принадлежность неуловимого Аметистова. Не имея определенного постоянного рода деятельности, Аметистов может в любое время при любой власти устроиться на любое место работы и, получив деньги у красных, эвакуироваться к белым и потом, наоборот, безвозвратно вернуться, умея «нырять при советском строе» (174). Не менее трудно определить, каково было прежнее социальное положение Артура Артуровича и чем он занимался до открытия тараканьих бегов (наличие реального прототипа, как и в случае иных персонажей, несущественно, поскольку могло быть неизвестно зрителю).

Переменчивость, неустойчивость поведения, речи, позиций анализируемых персонажей подчеркивается именами. Интересно, например, что такую фамилию Аметистову автор пьесы дал недаром, ведь аметист называется камнем-хамелеоном, поскольку его «окраска способна меняться от бледно-фиолетового до насыщенно пурпурного цвета»¹². Противоречие несет в себе и фамилия Тальберг, первая часть которой переводится как «долина», а вторая – как «гора». Знаменательно, что Булгаков не называет после списка действующих лиц Елену по фамилии мужа, что свидетельствует о большей близости героини именно к братьям, а не к супругу.

Как видно, для мировоззрения рассматриваемых персонажей характерен мещанский релятивизм. Они не придерживаются постоянных ценностей ни в морали, ни в политике, ни в иных сферах жизни. Не высказываясь относительно своих идейных взглядов, поступками и словами они демонстрируют слабый интерес к окружающему миру, к общественным проблемам, имморализм. Им важно, чтобы ничто их не беспокоило, никто не вмешивался в их жизнь. Они не способны на сочувствие. Будучи эгоистами, рассматриваемые герои часто жестоко и безразлично относятся не только к окружающим в целом, но и к наиболее близким, казалось бы, людям. Показательно, как меняется речь Аметистова, обнаружившего труп Гуся (211). Угодливая заботливость о Гусе, как только выясняется, что с тем случилось несчастье, сменяется циничными проклятиями в его адрес, гораздо более искренними. Тальберг, покидая жену и ее родственников накануне битвы, переживает только о том, чтобы сохранить от их притязаний свою половину квартиры. Через два месяца, узнав о гибели Алексея и ранении Николки, Тальберг не выражает утешения или сожаления, а поучает и оправдывается – «ведь я же предупредил. <...> ведь я же не виноват во всей этой истории» (159).

Единственная ценность, которую признают неколебимой и важнейшей все представители выделенной группы, – их частная материальная выгода. Их привлекают только материальное благополучие, даже роскошь, комфорт, уют, чувственные удовольствия, почет и власть. Отметим, что само по себе это качество не оценивается не только остальными персонажами, но даже и самим драматургом как отрицательное, ведь и они также не отказываются от уютной жизни, красивой одежды, вкусной еды и т. п. Напротив, для писателя материальный быт всегда имел большое значение. В воспоминаниях современников не раз упоминается, как он тратил большие деньги на эти вещи¹³. В булгаковском представлении идея налаженной повседневной жизни тесно связана с такими понятиями, как покой и гармония. По мнению писателя, вне материального, телесного невозможно нормаль-

ное существование духовного, их качественное состояние взаимообусловленно. Однако это не означает, что комфорт и роскошь приемлемы в качестве главной жизненной цели для Булгакова. Например, профессор Преображенский не отказывает себе в чувственных удовольствиях, но и не в них видит цель своей жизни, а стремится к научным открытиям ради улучшения человеческого рода. Аналогичные примеры мы легко найдем и в романе «Мастер и Маргарита», и в новеллистике, и в драматургии Булгакова.

Иначе оценивается циничная позиция персонажей, ориентированных лишь на обретение материальных благ и на индивидуальное самоутверждение за счет ближнего, нередко ценой жизни последнего. Мы уже говорили о расчетливости Тальберга, Аметистова, Артура Артуровича, Тихого. Ярким примером служит и знаменитая баллада доллару, произнесенная Корзухиным (286–287). Именно потому релятивизм жизненной позиции перечисленных героев мы и определили как мещанский: они переосмыслиют понятия любого порядка и радикально меняют свою точку зрения на окружающее, основываясь на бытовых интересах.

В тех экстремальных обстоятельствах крайний эгоизм персонажей не позволяет им кого-либо идентифицировать как своего, держаться за что-либо, не имеющее материальной ценности, как за свое. В целом, к окружающим они относятся как к потенциальному противнику, который угрожает их благополучию, и принимают меры защиты против него. При этом они готовы, в случае необходимости, признать в каждом представителе этой враждебной реальности своего, приспособиться к чему угодно, если это несет бытовую выгоду. Таким образом, для целой группы действующих лиц произведений Булгакова 20-х гг. оппозиция «свой – чужой» оказывается неактуальной в том смысле, что они не руководствуются данными понятиями в своих поступках.

Следует подчеркнуть, что некоторых персонажей, которые, на первый взгляд, также совпадают с выделенными признаками, однако, в рассматриваемую группу нельзя включить. Это, например, Шервинский и Люська.

Поручик Шервинский, озабоченный своим успехом у окружающих, готовый защищать на дуэли свою честь, ради выгоды или даже просто для того, чтобы произвести эффект на собеседников, постоянно готов солгать, крадет забытый гетманом золотой портсигар, в конце пьесы внешне преобразается до неузнаваемости и легко меняет профессию: из офицера становится оперным певцом. Между тем мещанином-имморалистом Шервинский все же не является. Перечисленные выше черты – не сущность его натуры, а скорее, юношеские заблуждения. У него есть система духовных ценностей, в которой очень важное место занимает понятие «свой» и, следовательно, недопустимость предательства.

Показательно, что он не уехал с гетманом ради любви к Елене. Раньше, чем бежать из гетманского дворца, он оповестил знакомых офицеров о произошедшей катастрофе. Гибель Турбина, который о себе думал в последнюю очередь, поразила Шервинского и привела к тому, что эгоистическое начало стало в нем уменьшаться. Душа Шервинского эволюционирует. А герои выделенной группы при внешней изменчивости психологически статичны. Только те, кто не имеют в мире ни чужих, ни своих, а сами по себе стремятся к материальной выгоде, всегда остаются равны себе. Те, кто оказываются в борьбе на стороне какой-то группы героев, неизбежно что-то утрачивают и что-то обретают.

Люська, губернаторская дочь, которая сначала стала полковой женой генерала Чарноты, потом поселяется у Корзухина, готова превратиться во француженку Люси Фрежоль и не связывать себя чувствами, подчинившись расчету. Парижский эпизод, однако, показывает, что память, любовь к Чарноте, жалость к Голубкову и Серафиме, внутренняя порядочность, как ни странно это звучит, не позволили Люське предать людей, с которыми она разделила их «хождение по мукам», хотя это и нанесло ущерб ее будущему богатству. Напутствия Люськи: «Прощайте! Голубков! Береги Серафиму! Чарнота! Купи себе штаны!» (291) – свидетельствуют о ее сопричастности миру главных героев «Бега», о том, что ее нельзя считать вечной искательницей благополучия. Взаимное ее счастье при Корзухине представляется очень гипотетическим, потому что это не результат очередного плутовства, а поступок женщины, сломленной борьбой за существование, не нашедшей поддержки и внешне сдавшейся, но все же сохранившей до какой-то степени верность нравственным принципам.

Итак, герои рассматриваемого типа оказываются «по ту сторону» общепринятого добра и зла в силу своего беспредельного эгоцентризма, выступают катализаторами процессов, сталкивающих группы действующих лиц, оттеняя своим релятивизмом ценности, являющиеся истинными для драматурга. Находясь одновременно в центре действия и вне оппозиции «свой – чужой», они содействуют тому, что это противопоставление оказывается одним из маркированных в проблематике пьес Булгакова 1920-х гг.

Примечания

¹ Росницкая О. Карнавальные и романтические традиции в пьесах М. А. Булгакова «Бег», «Зойкина квартира»

и «Дни Турбиных» // Рациональное и эмоциональное в литературе и в фольклоре : сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (Волгоград, 22–25 октября 2001 г.). Волгоград : Перемена, 2001. С. 155.

- ² См.: Скороспелова Е. Русская проза 1917–1950-х годов // История русской литературы XX века (20–50-е годы) : Литературный процесс : учеб. пособие / редкол. : А. П. Авраменко [и др.]. М. : Изд-во Московского ун-та, 2006. С. 141.
- ³ См.: Бабичева Ю. Жанровые особенности комедии М. Булгакова 20-х гг. («Зойкина квартира») // Жанрово-композиционное своеобразие реалистического повествования : сб. ст. / под ред. В. В. Гура. Вологда : ВГПИ, 1982. С. 66–84.
- ⁴ См.: Казьмина О. В поисках своего пространства («свой» и «чужой» топосы в булгаковском «Беге») // Славянская культура : истоки, традиции, взаимодействие : сб. материалов Междунар. конф. «IX Кирилло-Мефодиевские чтения». М. : ИКАР, 2008. С. 355–361.
- ⁵ См.: Баринова К. Пьеса «Зойкина квартира» М. Булгакова в контексте карнавализованной советской драматургии 1920-х годов (Н. Эрдман, В. Маяковский) // Михаил Булгаков, его время и мы = Michaił Bułhakow, jego czasy i my / под ред. Г. Пшебинды, Я. Свежего ; при участии Д. Клебанова. Краков : Scriptum, 2012. С. 472–484.
- ⁶ См.: Краковяк А., Матяш С. Конфликт в драматургии А. П. Чехова и М. А. Булгакова («Три сестры» и «Дни Турбиных») // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 1. С. 95–101.
- ⁷ См.: Хабибьярова Э. Трагическая ирония в пьесе М. Булгакова «Бег» // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 14 (305). Филология. Искусствоведение. Вып. 77. С. 99–104.
- ⁸ См.: Гудкова В. Рождение советских сюжетов : типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 281–301.
- ⁹ См.: Иваньшина Е. Традиции святочного карнавала в поэтике М. А. Булгакова («Зойкина квартира», «Собачье сердце») // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1, вып. 1. С. 34–43.
- ¹⁰ См.: Яблоков Е. Кукольные персонажи в произведениях Булгакова // Stephanos. 2016. № 5 (19). С. 124–128.
- ¹¹ Булгаков М. Пьесы 1920-х годов. Театральное наследие. Л. : Искусство, 1989. С. 117. Далее пьесы Булгакова цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.
- ¹² Аметист // Энциклопедия. Символы и знаки. URL: <http://sigils.ru/guards/amethyst.html> (дата обращения: 28.10.2020).
- ¹³ См.: Воспоминания о М. Булгакове. М. : Советский писатель, 1988. С. 145–147, 350.

Поступила в редакцию 25.10.2020, после рецензирования 01.11.2020, принята к публикации 20.11.2020
Received 25.10.2020, revised 01.11.2020, accepted 20.11.2020